

П.А. Бессонов

**Судьба нотных певческих
КНИГ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Бессонов**
Судьба нотных певческих книг / П.А. Бессонов – М.: Книга по Требованию,
2012. – 66 с.

ISBN 978-5-458-15095-8

Одна из ветвей истории московского печатного дела.

ISBN 978-5-458-15095-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

имѣвшейся нотной азбуки, показали, что «они въ оныхъ нотныхъ пунсонахъ и материцахъ какъ доброты ихъ, могутъ ли быть къ печатанію годны, такъ и всѣ ль оныя принадлежатъ до печатанія нотныхъ книгъ, также и полное ль ихъ число къ набору состоитъ, — за произведеніемъ въ здѣшней типографіи печатанія нотныхъ книгъ, знать не могутъ.» И точно, всѣ наличные дѣятели больше ничего знать не могли: связь съ прошедшимъ была совершенно затеряна. Посему на дальнѣйшій запросъ помянутаго указа, «также и къ напечатанію образцовыхъ листовъ для апробаціи какъ старыми, такъ и вновь приготовляемыми (какъ предполагалось, литерами), сколько надлежитъ употребить и какихъ именно мастеровыхъ людей, и колікочисленная, на подлежащіе къ тому вновь производимому (предполагавшемуся) нотныхъ книгъ печатанію матеріалы, потребна сумма,» контора съ нѣкоторымъ правомъ (прерваннаго преданія) отвѣчала 28 февраля 1767 года, «что по вышеписаннымъ справкамъ о печатаніи въ московской типографіи нотныхъ книгъ, чтобъ каковое отъ прежде сего предпріятіе было,—не оказалось, а хотя въ типографской казнѣ нотныя пунсоны и материцы, какъ и выше показано, привезенныя въ 1741 г. изъ С.-П. Б., имѣются, но по такому ихъ малому числу къ печатанію нотныхъ книгъ видится недостаточно, къ тому жъ и въ дѣйствиіи могутъ ли они быть годными и способными, конторѣ типографской знать не можно, также и гдѣ они дѣланы, и кѣмъ, и съ каковаго повелѣнія, и для каковаго употребленія или храненія въ казнѣ оныя въ московскую типографію присланы, того точно по дѣламъ типографскимъ не явилось, и затѣмъ всѣмъ типографской конторѣ къ напечатанію нотныхъ образцовыхъ листовъ для апробаціи сколько надлежитъ употребить и какихъ именно мастеровыхъ людей, и колікочисленная, на подлежащіе къ тому вновь производимому нотныхъ книгъ печатанію матеріалы, потребна сумма, за произведеніемъ въ здѣшней типографіи такого нотнаго печатанія, точной смѣты и положенія учинить невозможно жъ.»

Любопытно знать, чѣмъ же пробавлялись въ Москвѣ поющіе, въ теченіе всего этого долгаго запустѣнія? Недавно мы читали сѣтованіе кн. В. Ѳ. Одоевскаго, что пѣвчіе поютъ нынѣ часто *по какимъ-то тетрадкамъ*, внѣ установленныхъ правиламъ нотныхъ книгъ. То же самое свидѣтельству-етъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей той эпохи, о коей у насъ рѣчь: «принадлежащихъ до церковнаго пѣнія,» говорить онъ, «нѣвѣческихъ кротоку изображенныхъ книгъ въ типографское тисненіе ни отъ одной еще типографіи изъ великороссійскихъ не предано, а исправляется во святыхъ церквахъ пѣніе *по писаннымъ нотнымъ книжкамъ и тетрадкамъ*; да и оныхъ, за недостаткомъ писателей (переписчиковъ), покупкою и за немалую цѣну найти весьма трудно; церковное же чиноположеніе, благолѣпія ради во святыхъ церквахъ, одождаетъ (обязываетъ) священнослуженія отправлять ни мало не меньше противъ положеннаго чтеніемъ, какъ изъ церковныхъ книгъ ясно оказывается, по Октоиху и другимъ книгажъ, вечернія и прочія стихеры, сѣдалны, антифоны, тропари, кондаки, и ирмосы, поемы на канонахъ, кои расположены и употребительны не точію на гласы, но и на подобны, не упоминая о многихъ каждаго распѣвахъ и о другихъ, до большихъ пѣнія хоровъ принадлежащихъ, концертахъ, и протчаго; по каковому же оныхъ множеству, тѣ *писанныя нотныя книжки и тетрадки* могутъ ли все желающимъ ихъ имѣть въ безнужное удовольствіе (вполнѣ удовлетворить)? Невѣроятно (см. ниже).» Какія это были письменныя нотныя книжки и тетрадки, мы легко уразумѣваемъ. Во первыхъ, это не тѣ рукописи безлинейнаго знаменнаго распѣва, которыя заслуживали по праву имя *книгъ*, а не *книжекъ* и *тетрадокъ*: подобныхъ, древнихъ рукописей въ ту эпоху не могло быть такое множество, на каждую церковь и каждый хоръ; если онѣ кое-гдѣ и хранились, и вѣроятно еще употреблялись по церквамъ, то большая часть ихъ напротивъ перешла уже въ бібліотеки, по монастырямъ и соборамъ, гдѣ и встрѣчаемъ ихъ отчасти доселѣ; но и

здѣсь, какъ ихъ было мало, убѣждаемся изъ помянутаго примѣра замѣчательной типографской библіотеки, и убѣдились еще ниже, когда встрѣтимъ поиски за этими рукописями при наступившемъ печатаніи. Не нужно также забывать, что значительная масса старообрядцевъ, отдѣлившаяся или даже ушедшая отъ остальнаго народа въ ту эпоху, унесла съ собою въ исключительное пользованіе много памятниковъ этого рода старины. Съ трудомъ собранныя нынѣ въ главныя книгохранилища, эти древнія рукописи, кончающіяся большею частію XVII вѣкомъ (старообрядческое поморское и гуслицкое нисью, продолжающееся доселѣ, совсѣмъ иного рода), какъ ихъ ни достаточно для науки, не могло быть достаточно для практики цѣлой половины XVIII вѣка, при томъ для всѣхъ церквей и хоровъ. Съ другой стороны, означенныя книжки и тетрадки названы *нотными*, а такимъ названіемъ, въ эту эпоху, постоянно отличаются отъ *крюковыхъ* произведенія новой формы, то есть линейныя, съ нотой по происхожденію западной (ср. выше названіе пунсоновъ, а также доселѣ сохранившееся въ языкѣ пѣвчихъ различіе между *нотой* и *крюкомъ*). При томъ, когда въ послѣдствіи вводили въ печатныя изданія знаменныя распѣвъ, тогда именно отыскивали рукописи по библіотекамъ, а отнюдь не брали въ руководство ходячихъ пѣвческихъ книжекъ и тетрадокъ. Во всякомъ же случаѣ, хотя нѣкоторыя лица, какъ увидимъ, понимали еще все значеніе древняго знаменнаго или крюковаго пѣнія, хотя и соблюли его въ печати, но по формѣ, по знакамъ, въ письмѣ и печати, на бумагѣ, въ эту эпоху рѣшительно никто не думалъ обращаться къ древнимъ начертаніямъ знаменъ и крюковъ; ихъ не только не употребляли, не думали возстановлять, но даже, какъ видимъ, въ центральной русской типографіи, большею частію совсѣмъ разучились распознавать. Очевидно, во всю первую половину XVIII вѣка, употребленіе практическое, глазъ, пишущая рука, и т. д., все это совершенно привыкло къ *нотѣ линейной*, по происхожденію западной, и, хотя конечно подъ ней въ

пѣніи слышалась часто исконная древность, но много конечно вторгалось и чужаго, закраднаго, приманчиваго новизною, отличавшаго намѣренно отъ старообрядцевъ и льстившаго реформированному Петромъ I-мъ слуху. Новизна эта отвѣчала всѣмъ прочимъ реформамъ жизни и также относилась къ древнему знаменному пѣнію и его рукописямъ, какъ гражданская новая азбука съ ея произведеніями къ грамотѣ и письменности церковно-славянской. Привычка же такого рода и воспитывалась, и поддерживалась распространенными въ теченіе полвѣка помянутыми книжками и тетрадкама. Вообще слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, о нихъ заключить, что это были *линейныя ноты*, по происхожденію западныя, и, какъ онѣ все же не могли вмѣстить громадной области нашего древняго пѣнія, то означенный выше свидѣтель эпохи по справедливости заключаетъ, что онѣ не обнимали всей области церковнаго пѣснопѣнія, не удовлетворяли ей, а конечно заключали въ себѣ лишь нѣкоторыя, такъ сказать отборныя или болѣе видныя пѣснопѣнія, какъ на примѣръ херувимская, можетъ быть вся обѣдня, тропари и ирмосы главныхъ праздниковъ, и т. п.; по существу здѣсь соблюдались, повторяемъ, напѣвы древніе, но конечно вторгалось много и чужаго, новѣйшаго или искаженнаго; остальное, конечно, пѣлось безъ книжекъ и тетрадокъ, по старой привычкѣ, дьяками.

Но теперь не менѣе любопытный еще вопросъ: откуда же однако явились, распространились и даже укоренились своимъ вліяніемъ и употребленіемъ такія линейныя ноты, по происхожденію западныя, между тѣмъ какъ наша древность, и даже не за долго, до конца XVII вѣка, рѣшительно сему противилась и шла совсѣмъ инымъ путемъ, приготовляя даже для печати *крюки*, а не *ноты*? Съ исторической точки зрѣнія мы находимъ на это весьма скорый отвѣтъ. Известно, ибо на это прямымъ свидѣтельствомъ уцѣлѣли многія рукописи, что въ теченіе XVII вѣка линейная нота, о которой мы говоримъ, совершенно принялась и распространилась въ

Малой и Бѣлой Руси, по близкимъ сношеніямъ съ Католичествомъ, Польшею и вообще Западомъ, при слабомъ отпорѣ скудной знаменной и крюковой письменности, далеко не имѣвшей здѣсь той силы, какъ на Русь Великой. На сколько подѣ этой нотой удѣляли наши древніе распѣвы, примѣромъ коего служить Кіевскій, объ этомъ должны судить другіе знатоки; по связи такого рода *книжекъ и тетрадокъ* съ господствовавшими Малорусскими и Бѣлорусскими псалмами, кантами и т. д., мы съ своей стороны полагаемъ, что, подобно симъ послѣднимъ, распѣвы значительно тамъ потеряли отъ вліянія иноземнаго. Во всякомъ случаѣ, при самомъ первомъ взглядѣ на эти книжки и тетрадки Малой и Бѣлой Руси, не остается никакого сомнѣнія, что *вышняя* форма ихъ, то есть линейная нота, начертанія ихъ, способъ правописанія,—все это совершенно то же самое, что въ удѣлѣвшихъ до насъ книжкахъ и тетрадкахъ московскаго письма, вообще во всѣхъ потныхъ памятникахъ нашего XVIII вѣка. Это нота *по происхожденію* западная: но конечно она по тому вѣку разнится отъ нашей *нынешней*, итальянской ли, или вообще господствующей. Какъ это все перешло къ намъ, уяснить еще легче. Послѣ присоединенія Малой и завоеванія Бѣлой Руси, оттуда двинулись къ намъ безчисленныя толпы выходцевъ, въ собственномъ смыслѣ колонизовавшихъ Великую Русь. Уже съ половины XVII вѣка мы значительно подчинились ихъ вліянію, въ дѣятельности ученой, въ школахъ, въ литературѣ, отчасти даже въ языкѣ, и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и въ пѣніи, въ музыкѣ. Уже патриархъ *Никонъ* первый завелъ у себя въ Новгородѣ *Кіевское* пѣніе и въ Москвѣ привлекалъ Царя своими хорами, такъ что, не смотря на увѣщанія патриарха *Іосифа*, который дѣлу сему «прекословіе творяше,» по настоянію *Никона*, съ 1652 года во все послѣдующее время часто вызывались въ Москву многіе кіевскіе и вообще юго-западные «спѣваки,» пѣвчіе, для обученія *партесному* пѣнію (*), а въ концѣ вѣка вся Бѣлая и Малая Русь на-

(*) Житіе патр. *Никона*, *Шушерина*, и многіе акты, касающіеся вызво-

полнена была сочиненіями по «мусикійному» линейному, партесному пѣнію. Стѣитъ только упомянуть труды въ семь родѣ, сколки съ польскихъ теорій, знаменитаго *Николая Дилецкаго*, изъ Вильна и Смоленска проникшія даже въ Москву и здѣсь печатавшіяся (**). Последняя усиленная дѣятельность нашихъ пѣвческихъ дидакаловъ стараго знаменнаго-крюковаго пѣнія, помянутыхъ выше, къ концу вѣка объясняется сколько любовію къ дѣлу, столько же конечно ревностію отстоять его противу новаго наплыва. Но дѣятельность эта все-таки, говорили мы, потерпѣла обрывъ, не побѣдивши ближайшихъ другаго рода послѣдствій. Еще больше она должна была уступить при побѣдѣ реформы Петровской. Всѣмъ извѣстно, что многіе главнѣйшіе сподвижники сего государя, вѣрнѣйшіе проводники и выразители его преобразовательнаго начертанія, происходили именно изъ Юго-Западной Россіи. Цивилизація, которую они несли съ собою отсюда какъ смѣлое знамя для побѣды надъ варварствомъ москалей, совершенно совпадала съ цивилизаціей, которую надѣвала на Русь мощная рука преобразователя. Рядъ владыкъ, происхожденіемъ и образованіемъ отсюда, съ приближенными людьми отсюда же; устройство архіерейскихъ домовъ, даже внѣшность въ нарядахъ прислуги, въ упряжѣ и т. п., отсюда же; *Академіи* и весь аппаратъ духовныхъ заведеній, сдѣлавшіяся прототипомъ нашихъ новыхъ *школъ*, столь отличныхъ отъ *училищъ* и *дидакаловъ* древности, съ ректорами и префектами, съ бурсами и фарами, съ *системами* въ преподаваніи, сохранившимися доселѣ какъ любопытный памятникъ западной ополяченной науки, на конецъ господство *латинскаго языка*, совершенно вытѣснявшаго собою не только любимый нашъ греческій, но даже и русскій: — все это пересадокъ изъ Малой и Бѣлой Руси, а тамъ, какъ извѣстно, черезъ Польшу съ Запада. Самос православіе, отли-

ва юго-западныхъ пѣвчихъ, въ Арх. мин. ин. д., приведенные у Ундольскаго.

(**) См. Унд. и Сахар.

чавшее эту формацию отъ польской и служившее душою борьбы съ польскимъ католичествомъ, по частому столкновенію съ врагомъ, принимало, какъ извѣстно, черты и формы нѣсколько отличныя отъ нашего кореннаго православія сѣверо-восточнаго. Всего лучше отразилось это на пѣніи, даже въ самой внѣшности и лицахъ поющихъ: нашихъ старинныхъ бородатыхъ пѣвцовъ, одѣтыхъ въ русскіе полукафтаны и кафтаны (такъ они изображаются въ рисункахъ временъ Михаила и Алексія), смѣнили пѣвчіе архіерейскихъ новыхъ домовъ, подобно юго-западнымъ бритые и усатые, въ польской одеждѣ съ закинутыми разнѣжными рукавами. Правила, въ обилии преподававшіяся нашими древними дидаскалами и сохранившіяся лишь въ рукописяхъ, о пѣніи благоговѣйномъ, чуждомъ *рева* и *кряканья*, не могли имѣть приложенія при новыхъ ватагахъ и станицахъ, составившихъ на юго-западѣ истинный бичъ народонаселенія и къ намъ перенесшихъ ту же разнузданность, ту же гордость своимъ мнимымъ искусствомъ, скрытымъ отъ народнаго большинства, своею близостью къ дому владыки, подъ его непосредственною защитой. Одни только *соборные* пѣвчіе въ Москвѣ, вносльдствіи *симодальныя*, подъ руководствомъ Успенскихъ опытныхъ иподьяконовъ, составляли отсюда нѣкоторое исключеніе, сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ извѣстіямъ: только лишь у нихъ жили еще въ значительной связи преданія старины (*). Остальное все уже отличалось, и, прибавимъ, все *тѣло*, при владычныхъ домахъ, въ академіяхъ, семинаріяхъ, духовныхъ школахъ: какъ на юго-западѣ, это была эпоха извѣстныхъ *рекреацій*, *славленья* (технической терминъ), *концертовъ*, *кантъ*, *псалмъ*, *мистерій* и разныхъ представленій съ хорами, совершавшихся въ праздничные или рекреаціонные дни на семинарскихъ подмосткахъ, въ архіерейскомъ домѣ, а далѣе даже во дворцахъ, при Петрѣ и его ближайшихъ преемни-

(*) Между прочими древними распѣвами извѣстенъ былъ, какъ особый, распѣвъ „*Патріаршихъ дьяковъ*“, Унд. стр. 11.

кахъ. Все это, повторяемъ, пѣло, и искусство новаго пѣнія, вопреки обычаю нашей древности, было искусство, скрытое отъ народа и ему чуждое, составлявшее привилегію, такое, какому народъ не могъ уже «подпѣвать.» То было родоначаліе послѣдующей Капеллы, пѣвческихъ хоровъ съ партесными концертами и даже театра. Пѣли конечно не по старымъ безлинейнымъ рукописямъ, а именно по знакомымъ для насъ книжкамъ и тетрадамъ. Онѣ уцѣлѣли доселѣ во множествѣ памятниковъ, клочковъ и отрывковъ. Стоить только разъ взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться въ совершенномъ сходствѣ подобныхъ московскихъ и вообще велико-русскихъ произведеній съ юго-западными: то же трехголосное пѣніе, таже линейная нота, по происхожденію западная. Какъ тамъ, на юго-западѣ, такъ и здѣсь, рядомъ съ церковными пѣснопѣніями, помѣщаются псалмы, канты, оды, концерты. Иногда онѣ передѣлываются на великорусскій ладъ, чаще остаются съ неприкосновенностію языка малорусскаго, бѣлорусскаго и — даже польскаго. Кое-гдѣ закрадывается влияніе наше, народное: народный, передѣланный по книжному, Стихъ, народный великорусскій напѣвъ и старый распѣвъ на извѣстный церковный гласъ; но въ большинствѣ случаевъ даже напѣвъ оказывается повтореніемъ юго-западнаго. Такія книжки и тетрадки сохранились намъ отъ всего XVIII вѣка, особенно изъ первой его половины, отъ академій и вообще духовныхъ школъ, отъ архіерейскихъ домовъ и пѣвчихъ; мало того, онѣ сохранились отчасти у пѣвчихъ даже до нашихъ временъ и недавно еще, какъ мы сами слышали, распѣвались на богатыхъ свадьбахъ послѣ *духовнаго концерта*.

Много потребно было времени и усилія, чтобы нашему великорусскому сѣверо-востоку, а въ особенности Москвѣ, передѣлать и переработать всю эту цѣпь заносныхъ явленій по своему, по своимъ стихіямъ, по преданіямъ старины, которую предстояло еще вспомнить и возсоздать. Подобныя «книжки» и «тетрадки» проникали отчасти даже къ народу въ собственномъ смыслѣ, къ народу простому, въ семьѣ мѣ-

щанъ и купечества: здѣсь текстъ ихъ переработывали по своему, *ноты* передѣлывали снова на *крюки*, но конечно не въ силахъ уже были справиться со вторгшеюся новизною, ни даже объяснить себѣ ея источника, и доселѣ старообрядцы, встрѣчая у себя въ рукописяхъ вставленные концерты, псалмы, канты и оды, теряются въ недоумѣннн, какимъ образомъ подъ крюками, указывающими на старицу, держатся напѣвы и тексты, совершенно несходные съ пѣніемъ знаменнымъ, со старыми книгами, даже съ русскимъ чистымъ языкомъ (*). Конечно, вся эта связь чуждыхъ намъ явленій ко второй половинѣ XVIII вѣка значительно ослабла и наша родная стихія готовилась выступить на побѣду, съ тѣмъ, чтобъ усвоить изъ заноснаго все себѣ полезное, отвергнуть вредное, создать положительное зданіе на своихъ коренныхъ основахъ. Въ эту эпоху выступилъ дѣятелемъ знаменитый нашъ Платонъ, впоследствии митрополитъ московскій, въ началѣ дѣйствовавшій еще въ С.-Петербургѣ, послѣдній, можно сказать, владыка, при дворѣ коего процвѣтало еще новоустроенное пѣвчество, съ хорами, концертами, кантами, сценическими представленіями: ему же суждено было заключить этотъ старый и начать новый періодъ. Но «книжки и тетрадки,» съ соотвѣтствующей пѣвческой обстановкой, продолжали еще дѣйствовать въ значительной силѣ и во второй половинѣ XVIII вѣка: онѣ, конечно, дали основу для образованія Бортнянскаго и отвели его учиться высшему церковному пѣнію въ Италію къ Галуппи; онѣ еще вліяли на Турчанинова, вліяли на многое и продолжаютъ вліять отчасти даже доселѣ, повторяясь въ перепискѣ, даже въ печати, и заставляя сѣтовать такихъ нашихъ ревнителей, какъ кн. В. Ѳ. Одоевскій. Когда же онѣ были еще въ разгарѣ силы своей и господствовали, въ срединѣ XVIII вѣка, естественно, что взору чисто-русскому представлялись явленія грустныя, безотрадныя: мы помнимъ приведенныя выше

(*) Подробности о семъ см. въ моемъ предисловіи къ 4-му выпуску «Калѣкъ Перехожихъ.»

горькія жалобы тогдашняго современника, мы знаемъ послѣдующіе, цитованныя кн. Одоевскимъ, отзывы митрополита Евгенія. Какъ *Львовскій Ирмологъ* былъ въ печати прямымъ выраженіемъ и заключеніемъ XVII вѣка на юго-западѣ, такъ у насъ, на сѣверо-востокъ Великой Руси, печатаніе, по естественному ожиданію, должно было, кажется бы, повторить въ себѣ «книжки и тетрадки,» по крайности понести на себѣ рѣзкое ихъ вліяніе. Какъ старшая московская типографія, по свидѣтельству ея исторіи, своимъ процвѣтаніемъ или упадкомъ всегда вѣрнѣйше отражала состояніе общества, такъ и въ настоящемъ случаѣ, въ разбираемую эпоху, состояніе типографской дѣятельности, мы видѣли, вѣрно отражало въ себѣ окружавшую дѣйствительность. Мы видѣли, что преданія древности въ дѣлѣ пѣвческихъ рукописей совершенно были потеряны; не знали даже, какъ обойтись съ нотными знаками, съ пунсонами и матрицами, не знали ихъ надобности, употребленія, даже цѣли. Ясно, готовы были учиться, набирать и тискать совершенно такъ, какъ укажутъ и прикажутъ, что бы ни указали и ни приказали: а указать и приказать могла только окружавшая дѣйствительность, по степени своего пониманія и свѣдѣнія.

Но здѣсь, при переломѣ XVIII вѣка на другую половину, въ типографской дѣятельности или въ связи съ нею, выступаютъ истинные ревнители роднаго дѣла, и та же среда, которая чуть было не сгубила всего прошлаго народнаго развитія, даетъ ему свѣдущихъ подвижниковъ: вдругъ они не могли еще оторваться отъ ближайшихъ привычекъ и отчасти еще подчинялись ихъ вліянію; но у нихъ уже было доброе желаніе, а доброму желанію помогла судьба, счастливая судьба, какимъ-то чутьемъ ревнителей успѣвшая вывести все дѣло на дорогу, на какую слѣдовало. Москва со своею старшею типографіей явилась и здѣсь спасительницею родныхъ основъ.

Въ противоположность другимъ странамъ, всѣ важныя предпріятія зачинаются у насъ не обществами, а отдѣльными,